

Вневизм - течение всебытия

**В
Н
е
В
е
с
т
н
и
к**

Первый номер

**Художественный вестник
Семинара экспериментальной
литературы**

*Прозаические и поэтические
произведения этого номера
посвящены русскому
"Поэту поэтов"
Иннокентию Федоровичу
Анненскому.*

*А. О. Филимонов рассказывает
о премии имени Анненского*

*и первых лауреатах Премии;
О. Н. Соколова делится
своим пониманием его творчества;
другие авторы,
в той или иной степени -
обращаются к идейному наследию
И.Ф.Анненского.*

*Есть вещи - что, которые, когда,
но есть нигде, недвижно и навеки...
Когдажды в бездну утечѐт вода,
то сон безвечности закроет веки.*

А. ФИЛИМОНОВ

*Цветок наш прорастѐт
из вне-созвучных скважин
мерцанием высот
искрист, звенящ и влажен.*

О. СОКОЛОВА

*Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь - как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он - вот, он есть, я был.*

*Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,
Простѐртые в текущий пламень дня.*

*Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Ещё одно усилие для меня -
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может, вспыхну кисточкой огня*

В. Ходасевич

Алексей ФИЛИМОНОВ

ТѐМНЫЙ ЭФИР ВНЕ-ТЕЧЕНИЯ
О литературном направлении Вневизм.

*Всякое подлинно новое веяние есть ход коня,
перемена теней, сдвиг, смещающий зеркало.*

Владимир Набоков, "Дар"

Всегда существовало нечто, не проявленное в литературе, подобное «эфиру» – но то, что может разразиться новизной и стать более «очевидным». Возможно, это взгляд, течение ИЗ ВНЕ В Мир, отсюда и название новейшего направления, условное и синтезирующее – ВНЕВИЗМ*. Задуманное два десятилетия назад, оно проявилось сейчас, в Санкт-Петербурге, совпав со столетием кризиса русского символизма, о котором говорили Вяч. Иванов и А.Блок.

Вневизм прежде всего мифологичен, это развитие мифа о вестничестве и пограничье между людьми и Словом. Называемом миром идей или логосов, находящихся в самой живой связи с реальностью проявляемой. Задача вневизма – преодоление раздробленности и выход к единству посредством обретения «метафизического языка», завещанного Пушкиным.

Казалось бы, что может быть более оторвано от земли, нежели абстрактное литературно-философское направление, лирический герой которого – а возможно и автор – Никто и нигде? Вневизм – стремление выйти за кольцевое время предательств и распятий через импульсы материи стиха или художественного произведения, приходящего в целостном виде.

Вневизм произрастает из темного психического эфира, одновременно сверхплотного и сверхразряженного, ускользающего от телесного ока. Таким же «потусторонним» может быть определение Поэзии:

И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё.

Н.Рубцов

Взгляд из *вне* был свойствен Владимиру Набокову в приотворяемой потусторонности, овеванной зазеркальной *славой*, как в одноименном стихотворении:

...я увидел, как в зеркале, мир и себя
и другое, другое, другое.

Хроникёр в «Бесах» над, вне и за событиями. Насколько приём «отрешенности» (М.Хайдеггер) соответствует русскому сознанию, которое изначально почти бескрайне и всеохватно?

К чему вневизм обращён в большей степени – к наследию классическому либо «авангарду»? Его лирический герой – там, пересотворяемый здесь, подобно пушкинскому «пророку»:

ВНЕЧЕЛОВЕК

В тоске безбрежья по удаче
не человеческой, простой,
сомнения переиначив,
воскреснет роза высотой.

И в зыбких символах созвучий
посеребрённая рука
дарует из стозвонной тучи
ей голубого мотылька.

Не разрешившимся смятеньем,
но красотой, что вне души,
позволь обрадоваться тени,
и путь в бездонность заверши.

Где все века в едином вздохе,
пульсация внебытия
в тоске и памяти о Боге,
и мотылек парит, звеня.

А.Филимонов

Проблема свободной воли также оказывается вынесенной *вне*, как в словах французского мыслителя Делаланда, придуманного Набоковым и процитированном им в

романе «Дар», где подчёркнуто «превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии». Мерцающий миф, где «Устами движет Бог» (Ломоносов).

Литература – «форма» Вневизма, преодолевающая «паутину» и пересотворяющая виртуальную реальность, когда

Стремглав на нас рванулась глубина...

Ф.Тютчев

* *Вневизм был представлен в Санкт-петербургском Доме писателя на семинарах Экспериментальной литературы и секции критики СП России в феврале и марте 2010 г.*

Ольга Соколова

Об Анненском

И.Ф.Анненский близок мне тем, что показал пример работы "исключительно для будущего", вдохновил быть "певцом "вне хора".

Наследие И. Анненского для будущего русской поэзии имеет провиденциальный характер. "Поэт для поэтов", Анненский стал

для нас, развивающих новое направление, **ВНЕВИЗМ** - своеобразным зеркалом, в миражном мареве которого мы преломляемся в лучах изначальных.

О радости отражений вне, Иннокентий Анненский упоминает в своём стихотворении "Миражи":

То полудня пламень синий,
То рассвета пламень алый,
Я ль устал от чётких линий,
Солнце ль самое устало -

Но через полог темнолистый
Я дождусь другого солнца
Цвета мальвы золотистой
Или розы и червонца.

Будет взорам так приятно
Утопить в сетях зелёных,
А потом на тёмных клёнах
Зажигать цветные пятна.

Пусть миражного круженья
Через миг погаснут светы...
Пусть я - радость отраженья,
Но не то ль и вы, поэты?

Не к нам ли обращается поэт-провидец? Не синий ли кристалл Вневизма прозревает он, говоря о "...другом солнце Цвета мальвы золотистой - или розы и червонца"?

В основе творчества И.Анненского лежит идея невозможности. Эту идею он доводит до апофеоза в стихотворении "Невозможно".

В очерке "Белый экстаз" поэт, "эпатируя", утверждает: "В основе искусства лежит... обоготворение невозможности и бессмыслицы.

Поэт всегда исходит из непризнания жизни..."

(И.Ф.Анненский. Книги отражений. С.145).

В "обоготворении невозможного" поэт видит сверхзадачу искусства, в "бессмыслице" - отрицание практицизма, в "непризнании жизни" - порыв к высшему идеалу.

НЕВОЗМОЖНО

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих вэ, этих зэ, этих эм
Различить я сумел дуновенья.

И, запомнив, невестой в саду
Как в апреле тебя разбудили,-
У забитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно - невозможно.

Называя три буквы - "Этих вэ, этих зэ, этих эм" - не дуновение ли **вневизма** И.Анненский различает в миражах невозможного вне?

Являя своим творчеством силу, способную "к такому отражению мира не-я, которое явится преодолением всего того, что враждебно в нём человеку, и не отступит перед дисгармонией окружающего" (*И.Ф.Анненский. Стихотворения и трагедии.*),

И. Анненский призывает нас к отражению вне-я, вне-мира, к символизму вне. Призывает нас сегодня, спустя 100 лет, к подлинному прозрению тайной сути вещей. Подобно "кондуктору песнопений", он ведёт нас в "неземные промежутки" внемира, мира теней и божественных сущностей. Чуткий голос Анненского, "голос вне хора" (М.М.Бахтин) доносится до нас извне и по сей час".

Для меня и моих единомышленников, **вневизм**, говоря языком Тарковского, помогает "расширить душу" в безвечность, "пройти по водам, не замутив истока", "пронести свечу, не загасив светильника".

Общение в Духе **вневизма**, для нас - сохранение Духа любви и сотворчества. А "вне-мир" - лучше узнает нас!

Маргарита Токажевская,

поэт, художник-педагог.

Упрямые узоры бытия, небытия и внебытия - моего, переплетённого с тысячами чужих и близких бытий - сильными рефренами сопровождают моё ощущение Жизни и Смерти, как акта Возрождения. Первое воспоминание жизни: Я - вне себя, не в том, обычном, распространённом понимании... а вне себя, где-то на небе и ещё - везде, ВНЕ, а это Вне - внутри меня, отпечатывается во мне на веки вечные бриллиантовыми небесными письменами... Именно письмена привиделись мне тогда, когда мне было ровно пять лет. Явственно помню - это была сухая полуденная жара, мы играем за домом с моими сестрёнкой и братом.

Я вдруг поднимаю глаза на небо и вижу буквы. Зная уже русский алфавит, я понимаю совершенно спокойно, что письмо написано не по-русски, но что оно мне, и я должна его прочитать. Я его и читаю совершенно уверенно и понимаю, что написано. Пересказываю содержание брату, его реакция совершенно адекватна: вечно ты всё выдумываешь, ничего нет на небе, я ничего не вижу... Возможно и всякий, прочитав-ший вышенаписанное, отреагирует именно так. И сама, получив "клас-сическое" образование, иногда думаю, что то были миражи, рождённые степной жарой в пронзительно-голубом небе над Тургайским плато...

Но то, что эти "иероглифы" (так я про себя их теперь называю) - я видела, читала и понимала, это совершенная правда. Была необычным ребёнком, почти нелюдимым, а тут и вовсе замкнулась, общалась с близкими только по-бытовому. Никогда не откровенничала. Примерно в это время стала

очень много и "плохо" рисовать и... думать. Сразу вошло знание, которое, конечно, есть наивысший подарок Бога, что думать, замечать, наблюдать, сочинять (рисую, думая) - это наивысшая, пусть и не выказываемая наружу радость. Зачем её выказывать - она и так вне, и я её наблюдаю, накапливаю в своей памяти. Зачем? Наверное, для раз-множения красоты, добра, веры в свет и добро.

Оттого ли, что всегда понимала Божественность МИРА, не зная и имени Бога, сразу восприняла эту мысль, инициативу - создать течение, лите-ратурное и, скорее всего, не только, по имени ВНЕВИЗМ. Я про себя называю ЭТО ВНЕТЕЧЕНИЕМ. Потому что движение наиболее гармо-нично именно в течении, течёт ли вода, музыка, плавится ли пустота под линией рисунка... Течение не только не отрицает все бывшие до него, а наполнено ими и ждёт новых течений, основным "Законом" которых будет удивление, всегдашнее, восторженное удивление тем, что есть, чего нет, что будет, что может быть, может состояться, создаться и ещё тем, что нельзя назвать, но - что в изобилии содержится в незримых книгах вечности, текущей во все стороны бесконечностей духа... Святого Духа, дарующего радость причастности к божественной энергии, суть которой - творчество, творение доброты и света.

В наше непростое время никак иначе, чем - мужеством, нельзя назвать и само желание произвести на свет что бы и кого бы то ни было, и работу по созданию, строительству этого нового.

Алексея Филимонова, видимо, "наставили" свыше. А как же иначе?

Михаил Куденко

УНИКАЛЬНОСТЬ, КАК ПРИНЦИП МИРОЗДАНИЯ

К вопросу о создании Новой Цивилизации

Правду говорить легко и приятно.

М.А.Булгаков, "Мастер и Маргарита"

В классическом христианском богословии принято говорить о трех унижениях человека, которыми наука противопоставила себя Богу – Верховному Художнику, как Его величал Леонардо да Винчи.

Кроме Коперника, Дарвина и Фрейда, можно говорить и о других унижениях человека.. Например, Маркс показал, что классы значимее, больше и важнее личности, и потому общественное благо следует ставить выше блага персонального.

Но пионеров «движения унижения» следует искать в Ветхом Завете: праотец Адам унизил нас, во-первых.

Каин, убивший своего брата Авеля, во-вторых.

Тот, кто первым принудил другого человека к рабству, в-третьих.

Есть ли философская надежда выйти из этого унижения? Или в эгоизме своем Человечество совсем уж безнадежно? И следует спокойно, с молитвой и предвкушением Вечного блаженства, лишь - ожидать Апокалипсиса?

Надежда есть, и эту надежду следует связывать с Уникальностью и ни с чем иным, кроме неё.

Уникальность – это Принцип Мироздания – и, как принцип, она приводит сначала к постепенному, а затем и к полному, окончатель-ному исчезновению пренебрежения, зависти, хамства, злости, оскорб-лений, унижений, претензий и страстей.

Уникальность подталкивает нас тактично и ненавязчиво к лучшему, к Десяти заповедям Моисеевым: лгать становится ненужным, скучным и пустым занятием; убивать – бессмысленным; завидовать – некому; желать чужого – не к чему.

Высвобождается громадное, беспримерное в историческом изме-рении количество свободного времени – всё время! – для занятий наукой и искусствами, для любви и познания гармонии. И всё потому, что сама Уникальность – составная часть Гармонии Вселенской!

И внимать воплю Господа Иисуса Христа со креста Своего: «Люди! Любите друг друга!», – становится вдруг легко и приятно, понятно и действенно.

Лауреаты Премии имени И.Ф.Анненского:

Маргарита Токажевская (поэзия), Санкт-Петербург, Союз писателей России, за сборники стихотворений.

Владимир Коробов (перевод), Москва, Союз российских писателей, за переводы "Крымских сонетов" Адама Мицкевича.

Ольга Соколова (критика), Санкт-Петербург, за книгу литературоведения "Взгляд извне"

Сергей Пономаренко (художественный дизайн изданий), Санкт-Петербург, за оформление книг и альманахов.

*Литературная премия имени И. Ф. Анненского
присуждается
за вклад в сохранение традиций Золотого и Серебряного века
русской поэзии и развитие современной литературы.
А.Филимонов, председатель оргкомитета премии.*

Ольга Соколова

АННЕНСКИЙ И ВНЕВИЗМ

Премия имени И.Ф. Анненского, которая впервые вручалась в Санкт-Петербургском Доме писателя, в День города 27 мая, имеет самое прямое отношение к новому литературно-философскому направлению, **вневи́зму**.

Вневи́зм был не так давно представлен на семинаре Экспериментальной литературы, который вместе с альманахом "Синь апельсина" является учредителем всероссийской премии имени И.Ф.Анненского, в Доме писателя и на страницах российских и зарубежных изданий.

О концепции и практике новейшего, еще загадочного для многих течения, говорили в своих выступлениях Ольга Соколова, Маргарита Токажевская, Герман Ионин, Николай Дадонов, Александр Гущин, Михаил Куденко, Ольга Пуссинен (Финляндия).

Прежде всего они подчеркивали неразрывную связь художественных идей и строк Анненского, ставших своего рода провозвестием нового литературного течения, со вневизмом и его проявлениями: в теории литературы, художественных текстах и в том, что соответствует названию течения: "вне...":

"Я люблю всё, чему в этом мире / Ни созвучья, ни отзвука нет", писал Иннокентий Анненский, вместе с символистами говоря о слове несказанном и несканном, о Логосе вечной белизны, проявленном в земной красоте и её преломлениях и отражениях.

Являемся ли мы - свидетелями направления, которое идет на смену бесформенному постмодернизму, не признающему иерархию ценностей - либо вневизм останется вещью в себе, эстетической моделью мира для немногих, по-своему бесспорной, но непроявленной? Это зависит от того, станет он "Голосом вне хора" (М.Бахтин об И.Анненском), существующем в мире идеальном, либо способным привести утопию пересотворения жизни по высшему идеалу в мир юдоли.

Как бы то ни было, идеи Золотого и Серебряного века продолжают развиваться, о чем свидетельствовало и количество собравшихся на вручение премии, не уместившихся полностью в зале, и то неуловимое, тот невычленимый из нашей жизни аромат, который напоминает о тоскующем идеале вечного романтизма в бессмертной поэзии Иннокентия Фёдоровича Анненского, признавшего:

Аромат лилеи мне тяжёл,
Потому что в нем таятся тленье,
Лучше смол дыханье, синих смол,
Только пить его без разделенья...

Оттолкнув соблазны красоты,
Я влюблюсь в ее миражи в дыме...
И огней нетленные цветы
Я один увижу голубыми...

Из «Трилистника одиночества» И.Ф.Анненского

Вручение Диплома Владимиру Коробову

От Редактора:
Талантливый перевод вобрал в себя достижения русской поэзии и тонкое понимание сути творчества А.Мицкевича

Адам Мицкевич, «КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ»

От Переводчика:
«Крымские сонеты» Адама Мицкевича своей живописностью подстать величавой красоте крымской природы. Цикл из восемнадцати сонетов - итог путешествия поэта по Крыму в 1825 году. Традиция переводов «Крымских сонетов» в России имеет глубокие корни. Поэт Вяземский заложил “фундамент” этой традиции, сделав в 1827 году переводы сонетов в прозе. Приятель Мицкевича Ф. Малевский писал в своём дневнике: «Вяземский закончил свой перевод Сонетов. Нельзя проявить большую, нежели он, осторожность в переводе. Дмитриев, Баратынский привлекались для поправок». Мимо «Крымских сонетов» не прошли выдающиеся поэты - Дмитриев, Козлов, Лермонтов, Аполлон Майков, Бенедиктов, Ходасевич... Непревзойденными по сей день переводами, на мой взгляд, являются гениальные переводы Ивана Бунина (Аккерманские степи. Алушта ночью. Чатырдаг). Традиция переводов «Крымских сонетов» Мицкевича органично сплетается с традицией создания сонетов о Крыме. Достойно продолжили ее – Максимilian Волошин («Киммерийские сумерки»), Сергей Шервинский («Феодосийские сонеты»).

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Вплываем на волнах степного Океана
В просторы диких трав, где лодка – мой возок.
И пенится в цветах, и зыблется поток,
Минуя острова багряного бурьяна.

Смеркается. Ни тропки, ни кургана.
Жду путеводных звезд – шатер небес высок.
Что там горит? Заря? Зарницы ли цветков?
Мерцает млечно Днестр, маяк у Аккермана.
Как тихо! Постоим. Мне слышится вдали,
Как, скрытые от глаз, курлычут журавли,
Как выползает уж из логова ночного,
Как замер мотылек... Так сон глубок травы,
Что, кажется, смогу почуять зов с Литвы...
Молчание. Ни отзвука. Ни слова.

БУРЯ

Все кончено... нет сил... сочится в трюм вода...
Волною вырван руль, и сорван ветром парус,
Зловещий помпы свист, матросов крики, ярость,
Померк кровавый диск надежды навсегда.
Тревожный слышен зов – трубит в рожок беда.
Встает за валом вал – растет до неба ярус.
Беря на бордаж, обрушив брызг стеклярус,
Смерть входит на корабль, как воин в города.
Одни лишились чувств. В предсмертный час разлуки
Друзья прощаются. Другие, вскинув руки,
Взывают к Господу и молятся в пути.
Был путник среди них... Он видел в жизни много
И думал: счастлив тот, кто свято верит в Бога,
Кому дано сказать последнее «Прости!»

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

Среди густых садов, в расцвете юных лет,
Одна из лучших роз осыпалась, увяла!
Как стая мотыльков в дне золотом пропала, –
Так молодость прошла, оставив грусти след.
На севере горит над Польшей гроздь планет.
Откуда столько звезд так ярко засверкало?
Не твой ли это взор, который смерть украла,
Зажегся в небесах, преобразившись в свет?
О полька! Я, как ты, окончу жизни дни
От родины вдали... Найду я здесь забвенье,
И, может, кто-нибудь в кладбищенской тени
Беседой оживит немое запустенье:
Звучит родная речь – ты оживешь в ней, и
Воскресну в слове я хотя бы на мгновенье.

Николай Дадонов

«Вне Вещества, сквозь пыльные ресницы» (Ахматова)

В стране Поэзия есть образы материальные, вещественные,
но есть и другие - не-овеществляемые, то есть не сопоставимые ни с материальным, ни с
воздушным;
образы - ассоциируемые с фантомами, отражениями, миражами - мимолётными
квинт-эссенциями;
не звуки, а эхо звуков;
нечто даже менее реальное, чем плывущие и быстроизменяющиеся облака;
небесные сполохи и летучие оттенки смысла вне грубо-зримо ощущаемого мира.
Вот - Гумилёвское: "нежно-небывалая отрада", "золотой покой" и "вечный гул" - в том
мире, где Поэт "не жил, не пел и не любил"...

"Тайнопись неизречённого", по выражению Вяч.Иванова, является и в акмеистических вершинах первой Триады "цеховиков" - самого Гумилёва, Ахматовой и Мандельштама.

Вот эти образы у Гумилёва: "отраженье Ангела в мире снов", "откровений азбука в предвечном сумраке", "тихий зов души деревьев", "ключи - поют, лепечут и кричат";

у Ахматовой: "в раю, где мы блаженны - печальный голос иволги и долгий взгляд сквозь пыльные ресницы";

и странно приложимое к сегодня провозвестничество Мандельштама - "о времени, где нет ни волка, ни тапира, а в небе - пшеница сытого эфира";

И пусть брюсовское обвинение акмеизма как "выдумки и при -хоти" гипертрофировалось даже в его отрицание, непризнание серьёзности и самости, был - и третий Цех, и поздние отражения акмеистской "тайнописи" - у Багрицкого и Светлова.

Однако, декларируемые Акмеистами: освобождение от призыва к идеальному, зримо-конкретизация земного, предметность и обращение к "природным началам" - не выродились в обслужива-ние "реализма" - примитивизированного, натуралистического.

И сегодня разлагающей рифмованности псевдопоэтических лужиц противостоят небольшие, но быстрые ручейки чистой поэзии, генетически истёкшие из Образов акмеизма, как и сам акмеизм - проистёк из символистских образов.

Март 2011 г.

Редакционная коллегия

"ВнеВестника" :

Алексей Филимонов ,

Руководитель семинара
экспериментальной литературы

Ольга Соколова ,

Редактор Альманаха "Синь апельсина"

Николай Дадонов,
Автор поэтических программ
"Радио Мария" (Санкт-Петербург)

Выпускающий редактор номера -
Николай Дадонов.

